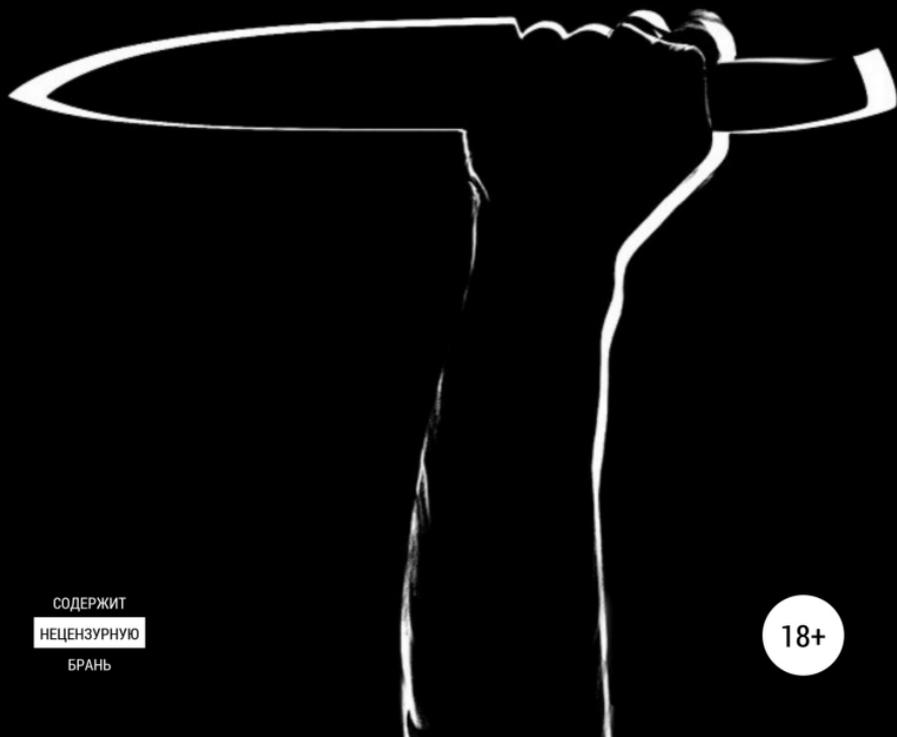

Артём Горохов

*Следователь
по случаю*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Артём Андреевич Горохов

Следователь по случаю

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41261572

SelfPub; 2019

Аннотация

Решив добраться из Ташкента в Оренбург на авто, Павел не представлял, что вляпается в такую историю. Снежная буря приводит его в забытый богом посёлок, где Павлу приходится вспомнить всё, чему его учили на юрфаке, чтобы вновь стать полицейским и распутать таинственное убийство. Содержит нецензурную брань. При оформлении обложки использовано изображение по лицензии ССО с сайта pixabay. Содержит нецензурную брань.

Несмотря на начало января, температура в Ташкенте оставалась неприлично высокой. Под +15 днём – это многовато, хотя, и не дотягивает малость до рекордных +22,2! Когда начинаешь говорить об этом всяким «северянам», те только и делают, что глаза таращат, ведь Ташкент кажется им «своим», «близким», значит и температура там зимой должна быть зимняя. Да как бы ни так! Бывает, надует ветер тучи, выпадет снега где-то по щиколотку, вот тогда местным радости. Детей обязательно на санки, сами впрягутся и гулять. Не беда, что полозья по асфальту скрипят, чуть ли не искры разбрасывая по сторонам. Ну, или снеговика пойдут лепить – начинают катать ком, а он уже через пару-тройку оборотов траву и опавшие листья «наматывает». Да ведь пустяк же.

Так что снегу в Ташкенте все радуются как дети, ну, естественно, кроме автомобилистов, которые о зимней резине слышали разве что из «Топ Гир». Максимум – всесезонка! А зачем тратиться? Денёк-другой обождал, а там всё и растаяло!

Да что машины! Люди даже на зимнюю одежду не раскошеляются. Что уже про «коней говорить»! Хорош ржать! – Давай за штурвал! – скомандовал Тихон, качнув головой в сторону белой Нивы-Шевроле. – Хотя бы до границы доедь для начала.

Павел скривил рот, но ещё раз проверив, хорошо ли закрылся багажник, сел на водительское место. Ну, с Богом! – Сколько нам пиликать?

Павел завёл мотор, подсоединил свой мобильник к магнитоле и стал выбирать музыку для плей-листа.

– Всего-то две тысячи кэ-мэ! – весело ответил Тихон, настраивая на телефоне навигатор. – Короче, завтра в это же время будем в Оренбурге!

– Рехнулся?

– А что? Я тебя для этого и позвал – чтоб без остановок доехать. По четыре часа будем рулить. Музыкачку погромче, «Ред – Булла» покрепче – вот и всё!

– Да ну на! Я домой! – Павел взялся за ручку. – Хотел развести меня, ишачела?

– Давай уже, ямщик, поворачивай к чёрту!

***

Машина упорно толкалась на запруженных улицах, нетерпеливо томилась на светофорах и рвалась вперёд, где позволял антирадар. Дорвавшись до кольцевой – ТКАД, она немного поубавила пыл. Ведь впереди ещё тысячи километров, а здесь движение почти как в центре.

Новый сборник дабстепа заглушал всё вокруг, визжал, пилл, скрипел и бахал. И это было прекрасно!

– Я даже в область на свадьбу не езжу, – задумчиво произнёс Павел. – А тут в такую даль! Не достали билетов – и шуруйте сами!

– Хватит тебе нудеть! Я вот с удовольствием еду. Париж-Дакар! Музыкачка, хорошая компания, – Тихон толкнул Павла в плечо, – и время в пути незаметно пройдёт.

– Ну да, ты не за рулём. Валя – тётка твоя, да и на Кристину ты всегда заглядывался!

– Между прочим, и твоя тётка тоже! – заметил Тихон.

– Это Кристина мне тётка. Четвероюродная какая-то там.

– Не суть дела!

Они замолчали. Павел сосредоточенно вёл машину, в то время как Тихон оперся спиной на дверь, развернувшись лицом к водителю. Он молчал и пристально смотрел на друга.

Павел поглядывал на него, ловя этот пристальный взгляд. Эта дуэль не продлилась долго. Первым стал хихикать сам Тихон.

– Что? – еле сдерживая смех, спрашивал Павел.

– Два метра с кепкой! – выпалил Тихон и заржал в голос.

– Хоры! – Павел развернулся и ткнул ему кулаком в плечо. – 194 сантиметра – самое то!

– Да, да, чтобы в своей хрущёвке лампочки с пола закручивать – как раз!

Павел полностью открыл окно, и салон наполнился прохладным, свежим воздухом. Пахло весной, хотя ещё зима даже до половины не дошла.

– Росли бы у нас бананы! Вообще красота была! – Тихон потянулся за сигаретами.

– Выращивают в долине!

– Да ладно!

– Серьёзно!

– Прикол!

Тихон закурил. Павел поморщился.

– А вот этого не надо!

– А что так? Тоже тянет? Ты же вроде нормативы теперь не сдаёшь?

– А может и сдаю!

– Ааа! Я так и знал, что бывших ментов не бывает!

– Будешь троллить меня – сам будешь рулить все сутки.

– Молчу, товарищ старший капитан. Слушаюсь.

***

На пункте Яллама выстроились длинные поезда из автомобилей. Впрочем, через границу пропускали довольно быстро. Таможенники работали оперативно и на первый взгляд даже не обращали особого внимания на выезжающие машины. Телефоны тут же оповестили, о том, что в Казахстан «Добро пожаловать».

Преодолев пункт Консыкбаева – автодорожный, автомобиль побежал дальше по дорогам Южно-Казахстанской области. Вроде бы ничего вокруг не изменилось, но ощущение, что что-то не так, прочно закрепилось в головах путников. Причиной этому в первую очередь стали незнакомые рекламные плакаты и надписи на казахском языке. Ну, конечно, ещё и машины! Граница словно сито отфильтровала белые шевроле, на смену которым пришли разноцветные иномарки.

Вдоль дороги потянулись небольшие посёлки, причем, иногда прямо у дороги, лениво поглядывая на машины, сто-

ляли огромные верблюды, жевавшие опавшие листья и редкие травинки.

Тихон посерьёзnel, поставил вместо дабстепа сборник «Брат 2» и стал молча смотреть в окно.

– Давай, уже пора полюбоваться пейзажем, тормозни где-нибудь! – потребовал вдруг он.

– Не-не, здесь вам не тут! Вот найдём парковку, там все условия будут, – спокойно ответил Павел.

– Тормози, говорят! – вдруг неожиданно высоко взвизгнул Тихон.

Павел с улыбкой свернул на обочину. Его товарищ, неуклюже прыгая по сырой вязкой земле, поскакал к ближайшим кустам. Он глянул по сторонам и продекламировал: «Фашисты! Всю ночь держали-и-и! Кузьмич, сука!».

Павел снисходительно улыбнулся.

– Чувствуешь, как холодает? – спросил он, когда вернулся его довольный спутник.

– Чую, но мы же на север едем как-никак! Ясен пень теплеть не будет!

– Да нет, что мы тут проехали? Это погода меняется. Ты кстати, прогноз посмотрел? Завтра в Ташкенте снег обещали и похолодание. А здесь, наверное, уже сегодня будет.

– Думаю это как всегда, на Байконуре ракету запустили!

– Смотрел или не смотрел погоду?

– В Казахстане не смотрел!

– Давай тогда смотри!

Павел включил радио. «Как пропускают пешеходов? Со-
всем не так, как паровоз!» – парировал арджей. Тихон, ла-
завший в это время в телефоне, присвистнул.

– Что там?

– Снег обещают! В Астане до -18 градусов!

– Вот мать вою за ногу!

– Ну, может мы этот циклон объедем? Наша М39, кажет-
ся, левее уходит.

– Ты хоть резину поменял? – серьёзно спросил Павел, в
десятый раз жалеющий о том, что согласился на эту авантю-
ру.

– Резина отличная стоит. Но я в снег всё равно очкую,
ездить сам будешь, если что!

– Да я вообще сейчас разверну и всё! – психанул Павел. –
Мне это всё надо? Садись тогда за руль!

Он резко остановил машину и вышел. Тихон полез на во-
дительское место.

***

Навигатор привёл путников в Кызылорду. Здесь уже был
настоящий Казахстан. Если в приграничных районах почти
езде можно было расплачиваться узбекскими сумами, то
здесь такой финт не проходил. Спутникам пришлось зайти в
обменник и поменять сто долларов. После этого они загля-
нули в круглосуточный магазинчик.

– Вот раздолье! – вырвалось у Павла. Он пихнул дру-
га локтём, указывая на ряды разнообразного казахстанского

пива. – Смотри, в районе 200 тенге за бутылку! Вообще копейки. Это сколько на наши выходит?

– Слушай, а давай я себе бутылочку возьму на пробу, а ты порулишь? Как раз через четыре часа хмель выветрится. А потом тебе бутылочку.

– Ага! – Павел, издавая механический звук, медленно сложил пальцы в фигу. – Вот тебе!

– Да понял, понял! Не дурак! – захохотал Тихон, но всё-таки прихватил бутылку «Карагандинского», когда Павел отвернулся.

Они набрали разных сэков, напитков, взяли по большому гамбургеру и вернулись в машину. Время терять было нельзя. Нужно было проехать как можно больше, пока светило солнце и погода была нормальная.

Машина вернулась на трассу А-17 и двинулась по направлению к Жезказгану. Домики стали появляться всё реже, пока совсем не исчезли. По обе стороны от дороги потянулись унылые чахлые деревца. Вскоре местность превратилась в настоящую пустыню. Дорога стала заметно, хуже. Местами она шла по насыпи, которая поднималась на несколько метров выше уровня почвы. В лощинах виднелись грязные снежные языки.

– Вот труба! – протянул, наконец, Тихон после долгого молчания. – Сколько эта пустыня будет?

– Километров 400.

– Японский городской! Поэтому эти джипы тут так несут-

ся! Смотри, я почти 110 еду, а он аж со свистом обгоняет. Под 200 что ли разогнался?

– Может и разогнался, но на такой дороге лучше не лететь.

– Да «Ласточка» на скорость и не рассчитана. Просто говорю.

В пустынной местности ветер не так заметен, особенно если едешь на большой скорости, и вокруг нет деревьев. Путники обратили внимание на его порывы, только когда от них машину стало ощутимо качать. Тихон остановился.

– Что такое?

– Да машину ведёт как-то. – Он покрутил руль из стороны в сторону, но в это время машину снова ощутимо качнуло очередным порывом ветра.

– Ну, на фиг! Нет, ну ты видел это? – от удивления у него глаза стали по пятаку. – Разве так бывает? Смотри, прям раскачивает!

– Вижу! Обалдеть! Погода меняется. Аккуратнее едь.

– Блин, офигеть! И откуда только он взялся такой?!

– Из области высокого давления в область низкого давления.

– Что? Что ты там бубнишь?

– Это школьная программа. Ты не знаешь.

– Ааа. Синхрофазатрон, понятно.

Ветер вздымал в воздух мельчайшую пыль и соль солончаков. Воздух наполнился едкой взвесью, отчего порыжел и стал молочным. Местным это было не в диковинку. Север-

ный ветер, приносящий морозы, не приносил столько неприятностей, как ветер со стороны высохшего Аральского моря. Когда ураган налетал с юго-запада, хотя это случалось редко, он даже в эти края заносил едкую соль.

Тихон полностью закрыл все окна и включил печку. Так воздух хотя бы проходил через фильтр. Видимость ухудшилась, поэтому пришлось ещё сбавить скорость. Водитель совсем погрузился. Стало ясно, что продолжительность их поездки несколько увеличится.

До Жезказгана путь занял более пяти часов. Посмурневший Тихон всё это время вёл сам. Погода портилась прямо на глазах. На смену пыльной буре пришёл колючий холодный ветер. Он освежал и бодрил, только вот он нёс мороз и непогоду. Температура за бортом на глазах упала с +1 до -8 градусов. И вот, словно неожиданные гости, появились первые снежинки. Они были мелкие и юркие на ветру, крутились как остроконечные волчки и норовили залезть за шиворот.

Стекло стало запотевать, пришлось поднять температуру печки.

– Зябко, блин! – Тихон, приунывший было, теперь вновь возбуждённый от предвкушения бури, пил уже вторую банку энергетика. – Прямо на глазах всё поменялось, прикинь да? Это мы так один раз на рыбалку поехали под новый год на острова, переплыли, короче, и началось...

– Сто раз слышал эти байки твои про откопанную на третий день канистру со спиртом и полные лодки рыбы, кото-

рую вы вынуждены были есть без соли! – перебил его Павел.

– Ну, что теперь? С тебя тогда история!

– А история такая – неопытные водители из Узбекистана едут в Казахстан на своих не приспособленных машинах,глохнут и замерзают на фиг!

– Что за негатив, братиш?

– Да так, вспомнился случай. Мужик один в больнице рассказывал. Поехал, заглох, замёрз. Ну, его нашли потом полицейские, но к тому времени у него уже пальцы были отморожены на ногах и тромбоз развился.

– И что? – напряжённо спросил Тихон.

– Отрезали три пальца, ну и вены больные теперь.

– Нам нечего бояться. Ты ж у нас «милиционер» – знаешь, как в экстремальных условиях выживать, как медпомощь оказывать.

– Да, да, да, – с иронией пробубнил ему в тон Павел. – Все так думают – раз форму носишь, то ты дядя Стёпа-супермэн. Ничего такого! В милиции форму носят и медики, и снабженцы, и бухгалтера, и юристы, как я, и чёрт-и кто ещё! Эти люди пистолет за всё время своей службы не держали, но все их стражами порядка считают.

– Нет, Павло, ну ты же держал! Вот ты на службе что делал?

– Я? – грубо переспросил Павел. – Ну, держал, конечно, но я на службе бумажки ковырял, контракты, законопроекты и всё такое. Одно слово только – «сотрудник».

– Не соглашусь! Ведь тебя учили в институте тоже? У вас же специализации не было?

– Нет.

– Вот, значит, учили и как следствие вести, и как гопников гасить.

Павел улыбнулся, услышав про следствие, хотя ему совсем не хотелось говорить.

– Учили, помню, что длина стопы человека составляет одну седьмую от длины его тела.

– Это как? – Тихон почесал свой белобрысый затылок.

– Ну, арифметика, братан. Вот сколько у тебя рост?

– 174.

– Берём, вот делим на семь. Получилось где-то 24-25 сантиметров. Вот сколько у тебя нога?

– А я знаю?

– Прибавим 1-2 сантиметра и получим длину подошвы обуви твоей.

– Вот видишь! А ты говоришь, что не знаешь! Если взять обычного человека и тебя, то ты больше следак, чем он. Надо будет померить длину подошвы. Посмотри там в бардачке рулетку.

Павел только махнул рукой.

Снег вскоре стал валить сплошной стеной, чистой белой пеленой. Ветер летел к югу, и гнал его за собой. Снежинки, забивались в каждую трещинку промёрзшей, пустынной почвы, набирались у камней и островков засохшей травы.

Дело было худо. По дороге ветер тоже мёл длинные хвосты позёмки.

Местами дорожное полотно уже покрылось снегом.

– Давай меняться, – предложил Павел. – Сворачивай к заправке.

Они вновь заправили полный бак, хотя он был опустошён только на треть, съели по тарелке бефстроганов и наполнили свой термос кипятком, предварительно горячо поспорив о том, что там должно быть: кофе или зелёный чай.

Проехав заснеженный уже Жезказган без остановок, они снова оказались на трассе. День клонился к вечеру, и температура обещала сюрпризы. Термометр показывал -14.

– Блин, так придётся чемоданы открывать, – заметил Павел. – В машине ещё ничего, а на улице – труба. Обратил внимание, здесь люди в меховых куртках ходят, или в мощных пуховиках? У нас такого нет.

– Видел, – пробормотал клевавший носом Тихон. – И в шапках-ушанках меховых. Я бы в такой в Таше в самую лютую зиму не смог ходить.

– Я вообще не привык в шапке ходить. Что там даже в мороз? Автобус-метро – работа. Не успеешь замерзнуть.

– Ну да, организм привыкает.

Тихон вскоре уснул, Павел проверил, пристегнулся ли он, и сосредоточился на дороге. Разыгравшаяся пурга чертовски мешала ехать, хотя было ещё совсем светло. Начала сказываться усталость. Глаза словно наполнились песком.

– Блин, дёрнул чёрт за ногу поехать в такую даль! – про-
бормотал Павел. – Это ещё при том, что я терпеть не могу
за рулём ездить! Надо было жену на машине отправить, а са-
мому на самолёте. Любит же рулить – вот пусть бы и рулила!

Он улыбнулся своей мысли и, сделав радио погромче, стал
отстукивать пальцами ритм. Главное теперь было не заснуть.

Приходилось ехать всё медленнее и медленнее. Пару раз
Павел, сделав неверное движение, почувствовал, как маши-
на рыскает, и вновь снизил скорость, хотя попутные авто-
мобили продолжали лететь по трассе с огромной скоростью,
вздывая в воздух облака снежинок. Прошло уже больше
трёх часов, как Павел безостановочно управлял машиной.
Нива монотонно урча, летела сквозь бурю, убаюкивая води-
теля. Шофёр не спал, но видимо это было какое-то погранич-
ное состояние. Машина с крайнего правого ряда стала едва
заметно смещаться влево. Казалось, что всё под контролем,
но словно какая-то неведомая сила не давала это сделать.

Внезапно со страшным грохотом и гудением слева про-
неслась огромная фура. Павел встрепенулся, дёрнул руль
вправо и резко нажал на тормоз. Обочина была уже полно-
стью покрыта толстым слоем снега, машину стало разворачи-
вать вправо, ничего не подозревавший Тихон дёрнулся вле-
во, встрепенулся, но его крепко держали ремни безопасно-
сти.

– Ты чего творишь?! – заорал он, продрав глаза. – Уснул?
– Подрезал грузовик. Я чуть на тормоз и тут же повело.

Сердце у Павла дико стучало.

– Давай съедем с дороги, поменяемся. Уже и так скоро моя очередь рулить.

Они вышли из машины, Тихон закурил. Снег кружился вокруг, наполнил всё небо своей белой мельтешащей крупой. Порывистый ветер пронизывал до костей и мороз крепчал.

– Пора признать, что наш план не сработал, – выдал Тихон, прыгая с одной ноги на другую. – Не доехать нам за сутки теперь. Предлагаю ехать дальше, как запланировали, но не гнать. А то так нам далеко не уехать.

– Да, другого варианта по ходу и нет. – Павел сплюнул, кутаясь в куртку. – В такой мороз спать в машине не канает. Остановишься и потом не заведёшься. Да и денег на гостиницу у меня нет. За ночь, наверное, не меньше сотки возьмут за двоих.

– Ну что тогда думать. Пошли, хватит жопу морозить.

– Пошли, а что ты прыгаешь-то?

– Чёт с животом, – Тихон поморщился. – Мне надо за кусты сбегать.

– Тууут? – удивился Павел. В пургу? – он сел в машину, потирая озябшие руки.

– Тут. Выбирать как-то не приходится. – Тихон рылся в одной из сумок в поиске бумаги.

– Ты лучше пару палок найди!

– Нафига?

– Как в анекдоте.

– Что ещё там?

– Одну палку воткнёшь в снег, и будешь держаться за неё, чтобы ветром не сдуло.

– Ага, смешно, да. А вторая?

– От волков отбиваться! – Павел засмеялся.

– Да ну тебя!

Тихон снова выскочил на мороз и запрыгал вниз по насыпи. Вернулся он очень скоро, запрыгнул в машину и стал тереть озябшие руки.

– Бли-ин! Совсем замёрз! – он подставил руки к печке и стал шмыгать красным с мороза носом.

– Ладно, едем дальше пока ещё не стемнело!

Тучи стали такими плотными, что, несмотря на то, что было только 4 часа пополудни, на дорогу опустились сумерки. На радость путников такая обстановка продлилась до позднего вечера. Ещё в восемь часов вечера небо было окрашено в багрянец, размалёванный клубами туч и крупинками снега. Кроме того, всё пространство по обе стороны дороги уже было укрыто толстым снежным покрывалом, так что ночь обещала быть светлой.

Автомобили по трассе двигались всё медленнее, несколько раз на обочинах мелькали машины, попавшие в аварию и сообщаемые о своей беде яркими жёлтыми или красными аварийными огнями.

Павел поймал себя на том, что всё сильнее и сильнее сжи-

мает рулевое колесо влажными от волнения руками.

– Что ты очкуешь? – подзадоривал Тихон. – Как остано-
вишься, я покажу тебе разворот на месте. Как два пальца!
Руль выворачиваешь, ручник и по газам.

– Отвали со своими советами, – огрызнулся Павел. – И
так нервничаю.

– Вот я тебя и отвлекаю от твоих невесёлых мыслей!

– Лучше бы радио поискал нормальное. А то этот клон
Ретро-фм уже мозг проел! Надо что-нибудь местное, коло-
ритное, казахское!

– Ну, братан, тогда только «Скриптонит».

Павел захохотал.

– Давай, давай, пойдёт! – он немного отвлёкся и рассла-
бился. – Дай-ка я включу полный привод, а то что-то вих-
ляется она. Павел включил аварийку, свернул на обочину и
переключил рычаг.

Теперь машина ехала более уверенно, но зато появился
шум, давивший на уши.

Трасса несколько раз сделала плавный поворот, вправо
одна за другой ушли две широкие дороги. Павел недоверчи-
во посмотрел на навигатор, когда тот во второй раз сообщил,
что нужно было поворачивать направо и теперь проклады-
вал новый маршрут.

– Видимо связь пропадает.

– Со спутником что ли?

– Навигатор еще и по станциям телефонным ориентиру-

ется.

– Указателей не видно ни фига. Как бы не туда не уехать! – тревожился Павел.

– Давай вон за потоком едь. Не заблудишься! Здесь же нет крупных городов – значит нам по пути всем.

Павел немного сбавил скорость. Видимость была уже совсем плохая.

– Ничего не видно, а эти гоняют как угорелые! – пожаловался он на машины, которые то и дело пролетали мимо, обгоняя и справа, и слева.

Прошло ещё минут сорок. Дорога стала уже, исчезли боковые ограждения. При этом навигатор настойчиво рекомендовал развернуться.

Павел остановился, вышел из машины и постучал по стеклу замерзшим дворником. Он осмотрелся. Вокруг не было видно никаких огней или указателей, только всё усиливавшийся ветер злился и норовил свалить с ног. Малюсенькие снежинки кололи лицо как настоящие иглы. Павел чертыхнулся и вернулся в машину.

– Здесь вроде развилку показывает через пять километров. Выйдем на трассу. Похоже, мы по этой дороге в сторону ушли, – он показал пальцем на экран телефона.

– Ничего, для бешеной собаки семь вёрст не крюк!

– Давай-ка садись за руль, оптимист хренов! Сейчас уже разницы нет, кому ползти по пустой дороге!

Павел сказал это так серьёзно, что Тихон не посмел воз-

ражать. Он молча уселся на водительское место, завёл мотор.

– Поставь телефон на зарядку. Там шнур в бардачке.

Павел стал рыться в «ящике для перчаток», заполненном всяким барахлом.

– Вот чудилы! – проговорил Тихон, посматривая в боковое зеркало.

Позади показались огни двух машин, которые, по-видимому, гнали на перегонки. Они обгоняли друг друга, подрезали, виляли из стороны в сторону.

Тихон стал прижиматься к обочине, чтобы выполнить «Правило трёх «Д» – «Дай дураку дорогу». В это время совсем рядом с Нивой пронёсся огромный Ланд Круизер. За машиной взметнули клубы снежной взвеси. Ниву аж качнуло.

За первым Прадо летел Лексус, но с ним такой трюк не прошёл. Всё случилось в какие-то доли секунды. Лексус, проходя рядом с Нивой, дёрнулся вправо. Тихон автоматически крутанул руль вправо и резко ударил по тормозам. Машина пошла юзом, стремительно уходя к обочине. Тихон вцепился в руль, а Павел упёрся руками в торпедку.

Скорость была невысокая, но этого хватило с лихвой. Машина в секунду вылетела с дороги. На мёрзлом грунте колёса врезались во что-то твёрдое. Автомобиль дёрнуло влево, а в следующий миг он завалился на правый бок и поехал вниз по насыпи. Павел со всего маху ударился головой о стекло пассажирской двери. Тихон, как ни старался, не смог удержаться.

жаться в сиденье и сполз на друга. Двигатель заглох. Было слышно только тяжёлое дыхание парней. Лексус притормозил на мгновение, но потом рванул дальше.

Морозный воздух сотрясла нецензурная тирада Тихона. Он не без труда выбрался через водительскую дверь и протянул руку Павлу. Разгорячённые, оглушённые они выбрались на снег. Машина лежала на правом боку, носом уходя вниз по насыпи. Переднее колесо, висевшее в воздухе, продолжало крутиться.

– Ты цел? – спросил Тихон.

Павел плюнул на снег кровавую слюну и опустился на корточки.

– Головой только шарахнулся. А так ничего. Я норм.

– А это что?

– Язык прикусил. А ты?

– Я кажется в порядке. Каким-то образом сильно потянул мизинец и безымянный на левой руке. Видимо за руль ими схватился. Вот твари! Я же и так ушёл специально! Ты же видел? Автоматически по тормозам дал, а она на какой-то миг неуправляемая стала.

– Да ты не виноват, – хладнокровно рассудил Павел и выругался, – эти твари создали аварийную ситуацию.

Он обошёл вокруг машины, поднялся на дорогу и достал телефон.

– Нет антенны. Как ГАИ теперь вызвать? И экран ещё треснул! Вот мать их! Попробуй со своего телефона.

Возбуждённые после столкновения, парни не замечали поначалу уже крепкого мороза. Теперь с понижением уровня адреналина в крови, мороз стал щипаться. Крепкий ветер нёс острые и колючие снежинки, крутил их в воздухе, окружая людей.

Первым к багажнику поспешил Павел. При этом он ещё не знал, что у Тихона тоже не ловит антенна. Он стал рыться в чемодане, отыскивая свою длинную утеплённую куртку и кепку.

– Труба! – крикнул Тихон, спускаясь к машине. – Не ловит ни фига. И людей-то нет на дороге. Он тоже стал рыться в чемодане. – Какой холод! Я уже задубел! Даже руки, смотри, липнут к металлу.

– Перчатки есть? – хмуро спросил Павел, напялив свою холодную кепку, которая подходила только к тёплой Ташкентской зиме со средней температурой января в +2.

– Нет.

– Плохо! – нецензурно и грустно отозвался Павел. – Посмотри вон в машине хоть рабочие перчатки белые.

Он снова осмотрел автомобиль. Нужно было попытаться поставить его на колёса. Но вот лежала Нива неудачно. Она была готова сама перевернуться на крышу, но никак не на колёса. Вдобавок метрах в тридцати от дороги был для чего-то вырыт довольно глубокий ров метра три в ширину. Если даже перевернуть машину на колёса, она могла в два счёта свалиться в эту канаву. Павел снова поднялся на дорогу в

надежде увидеть огни посёлка или машину. Но вокруг была пустыня, белая мгла. В какой-то красноватой дымке, поднимавшейся у самого горизонта, земля была во власти снежной бури. Порывистый ветер норовил свалить с ног и свистел в корявых ветвях нескольких низкорослых деревьев, сиротливо торчавших на обочине.

Павел ещё раз вытащил телефон, поднял его повыше и покачал головой. Антенны не было, и батарейка стремительно разряжалась на морозе.

– Вот угораздило! Надо толкать, брат! – кричал Тихон, похлопывая себя по ногам замёрзшими ладонями в белых хозяйственных перчатках с синими резиновыми точками на них.

– Боюсь, что вытолкнем мы её в яму и всё.

– А что делать?

– Надо за помощью идти. Сами не вытащим. А мы по ходу свернули с основной дороги на просёлок.

– Ну, а что предлагаешь?

Павел молчал, всматриваясь в метель.

– Смотри вон там, – он указал рукой в северном направлении, когда Тихон подошёл ближе.

Они оба стали всматриваться в белую мглу, среди которой вдалеке можно было разглядеть нечто, напоминающее постройки.

– Видишь? – серьёзно спросил Павел, взглянув на друга.

– Точняк! Ты, блин, орлиный глаз! Туда пойдём?

—А что делать? Думаю здесь километра два – не больше. Минут двадцать уйдёт. Давай быстрее, пока совсем не замёрзли. Закрой машину.

***

Вдалеке действительно виднелись какие-то постройки, вот только находились они куда дальше, чем казалось вначале. Пришлось свернуть с дороги и идти по просёлку, замётённому снегом. Ветер бил в лицо. Глаза было невозможно открыть – снег нестерпимо колот ледяными иголками, вонзающимися в кожу. Парням приходилось то и дело закрывать глаза и идти вперёд практически на ощупь. Кожа настолько замёрзла, что потеряла всякую чувствительность. Говорить было невозможно. Тихон громко пыхтел, вздыхал и пытался греть щёки, прикрывая их ладонями. А Павел шёл вперёд как танк, не обращая внимания на реплики друга. Он думал о том, что и представить не мог такой мороз, который бы мог пробираться до мозга костей сквозь бельё, свитер, шарф и наглухо застёгнутое пальто на меху. В Ташкенте, всего в какой-то тысяче километров к Югу о таком и подумать было нельзя. Он надевал это пальто всего несколько дней в году, когда выпадал снег и устанавливалась более-менее зимняя погода. А теперь холод сковывал, обжигал, забирал силы и волю. Почему-то вспоминались кадры из фильма «Выживший». Машин вокруг видно не было, успокаивало только то, что расстояние до домов всё-таки сокращалось.

Два бетонных сооружения, обнесённые двухметровым

сетчатым забором в снежной круговерти походили на плохо прорисованные объекты компьютерной игры. Павел уже издали почуял подвох, но не стал раньше времени расстраивать Тихона. Тот и сам уже понял, что тут им не рады и хозяин их не обогреет и машины не вытащит.

– Это что за хрень? – заорал он, набросившись на сеточный забор. – Где люди?

Павел выругался и опёрся на забор, чтобы отдышаться и дать отдых спине.

– Похоже на служебную постройку. Может телефонное или электрическое что-то. Короче людей здесь точно нет!

– Японский городской!

Тихон сел на корточки, опёршись спиной на забор. Его товарищ тем временем быстро обошёл вокруг построек. Он надеялся, что им удастся пробраться вовнутрь. Там хотя бы можно укрыться от ветра и согреться. Но и тут неудача. В двух постройках только две глухие металлические двери и одно окно, закрытое толстенными металлическими же ставнями.

Павел вздрогнул. Теперь он понял, что у них есть реальная опасность замёрзнуть насмерть в этой степи. Вокруг уже стало совсем темно. Он ещё раз обошёл домики и только теперь заметил огонёк, мерцавший вдали. Мужчина присмотрелся, и сердце его забилось чаще. Возле одного огонька мерцал и второй, за ними – ещё два – еле видимых. Там точно были люди, хотя расстояние до них было больше, чем до

машины. Но здесь даже думать было нечего – ночью они могли легко сбиться с пути и уже не найти свой автомобиль. Их следы давно заметены снегом, да и жечь свои вещи на морозе в ожидании помощи – не самая весёлая перспектива.

Словно два пленных немца, покрытые снегом и инеем они затрусили в направлении огней. При этом, чем дальше они шли, тем дальше казались огни. Определить расстояние в такой буря, да еще и ночью, оказалось невозможно. Павел содрогался от холода, старался греть руки и держать хороший темп ходьбы, чтобы не обморозится, а вот Тихон стал отставать. Его теперь приходилось непрерывно подгонять, да еще и следить, чтобы он не отстал совсем. Дело было плохо.

Обернувшись в очередной раз назад, чтобы проверить, на месте ли его собрат по несчастью, Павел не поверил запоздалой удаче. Вдали, рыская то в одну то в другую сторону, медленно крался автомобиль. Ткнув приятеля в плечо, он стал рыться в карманах, отыскивая телефон. Заметив автомобиль, Тихон тоже оживился, словно сменил свой «энерджайзер». Он тут же попытался врубить фонарик, хотя телефон не слушался замерзших пальцев. Издавая жалобные, сиплые и совершенно бесполезные крики, парни бросились в том направлении, куда ехал автомобиль.

Размахивая фонарями, они, ошалелые, вылетели на дорогу, едва опередив старенькую копейку. Парни готовы были броситься на капот авто, если водитель вдруг не захочет останавливаться. Но автомобиль тут же затормозил.

Парни были вне себя от счастья. Тихон, пытался улыбнуться совершенно замерзшими щеками. Он открыл переднюю дверь, и из кабины повеяло теплом и сигаретным дымом вперемешку с персиковым освежителем.

– Нам очень нужна помощь!

***

– Конечно в Ташкенте нет таких метелей! – соглашался казах средних лет, который, как оказалось, был акимом поселка Старошахтенский, который заприметили парни. Калдырбек Каудыров был общительным мужчиной лет под шестьдесят. При этом в его густых черных волосах только начала появляться седина. – Тут у нас бывает по целым неделям проезда нет! Дай бог, если магистрали почистят. А проселок кому нужен? Вот выходит и ждем, этой, оттепели. Так что вам повезло. Я сам со свадьбы возвращаюсь. Брат двоюродный женил сына там, своего одного брата. Ох, отлично провели! Давно я так крепко не напивался! – он улыбнулся сам себе и закурил.

Парни начинали отогреваться. Замерзшие ноги сильно болели, но зато угроза замерзнуть в этой дыре насмерть исчезла. К тому же Калдырбек обещал обогреть и накормить «бедолаг». Он несколько часов ехал в одиночестве и теперь говорил не замолкая.

– Это вам повезло, что я ехал. Так бы фиг дошли. До поселка километров семь будет отсюда. Или восемь. Это кажется, что недалеко. Я вот смотрю, как бы бензина хватило.

Еду со второй на третью. Весь бензин сожрала! А пешком – труба!

Тут же у нас раньше какой поселок был! Уголь вагонами отгружали. Деньги живые, снабжение в советское время специальное. Мы никогда впроголодь не сидели. А потом все! – он крепко и незлобно выругался.

– Союз распался? – для вежливости спросил Тихон.

– Да не, шахту выработали. Поселок сразу стержень свой потерял. Единственный источник дохода. Короче люди поехали сразу кто куда. Теперь вот остались те, кому ехать некуда, да пенсионеры. На пособие живут все. И я тут главный! – он снова улыбнулся. Аким говорил очень быстро, то и дело, словно поэт, переставляя ударения в словах.

– Я бывал в Ташкенте. После института ездил. Это год семьдесят восьмой был. Ох, там я с одной Лолой познакомился! Даже остаться хотел. А потом думаю – зачем? Потом в девяносто третьем ездил на свадьбу. Брат один сына женил тоже. Сейчас, наверное, не узнаю города.

– Да, стройка везде. Дороги строят, районы целые.

– Это я знаю. У нас вон Астану построили с нуля. Там фантастика же! Я был прошлым летом там. Похороны были. Это же как в Европе! Нет, я сам не был, конечно, но так по телевидению говорили. А у нас семьдесят четыре человека только тут. Вот вам и масштаб. Понимаете?

Было не очень понятно, что он имеет в виду, но парни одобрительно закивали. Машину бросало из стороны в сто-

рону, но строения были уже совсем близко. Копейка въехала в поселок, показались маленькие домишки, приветливо светившие в ночи миниатюрными окнами. Сквозь обледеневшие стекла было видно плохо, но Павел понял, что весь поселок – то только две улицы, соединенные проулками.

– Сейчас! – бодро выдал Калдырбек, резко затормозив возле одного из домов. – Подождите тут.

Не успели парни переброситься и парой слов, как аким вернулся.

– Жена ничего такого не готовила, что гостям можно предложить, – оправдывался он. – Сейчас поедем в одно место. Там короче, празднество сегодня. Я помню Любовь Антоновна звала сегодня. Это главбух тут на производстве. Кажется, дочка у нее родила сына. Сейчас узнаем.

Аким долго пытался включить заднюю скорость, но это у него так и не получилось. Выругавшись, он включил первую передачу и вырулил на дорогу, слегка задев покосившийся под снежной шапкой штакетник.

***

Прошло не больше десяти минут, и парни уже были в совершенно другом мире. Ворвавшись с клубами морозного воздуха в «предбанник», заставленный обувью, они оказались тут же в просторной комнате, в которой были вряд выставлены несколько столов разной высоты. В комнате было сильно натоплено, и совершенно не было кислорода. Его заменили ядовитые «выхлопные» газы, сигаретный дым, запах

копченостей, солений и несвежих носков.

За столом было человек 15 или 20. По всему было видно, что сидели уже давно. Во главе стола красовалась сама Любовь Антоновна – смеющийся и курящий центнер гостеприимства, увенчанный массивной головой с начесом только что выкрашенного блонда. У нее был напряженный с прищуром взгляд – она пыталась узнать тех, кого с собой привез аким. Это ей не удалось, поэтому под общий одобрительный шум, она потребовала освободить места для дорогих гостей, поручила кому-то принести три прибора и стала тут же причитать, как-де хорошо, что уважаемый господин Каудыров успел к ним на торжество.

Гостей усадили на почетные места – слева от хозяйки. Аким вел себя соответственно положению и позволял хозяйке ухаживать за собой. Она наполнила его тарелку салатами, колбасами, сырами и маринованными овощами, а большой хрустальный фужер – водкой.

Гостям налили сто штрафных граммов. Замерзшие и изрядно проголодавшиеся путешественники тяпнули на радостях, закусив хрустящими огурчиками «со своего огорода» главбуха, тут же захмелели. Они расслабились, поняв, что угрозы жизни нет, что они среди гостеприимных, милых и общительных людей.

Павел стал налегать на казы, но ему тут же кто-то направил в тарелку огромный кусок от запеченного поросенка. Налили по второй. Выпили за счастье и здоровье новорожден-

ного. Тем временем Калдырбек рассказал собравшимся историю ташкентских гостей, и для сельчан все стало на свои места. К парням, попавшим в беду, отношение стало еще лучше. Им все норовили налить еще, чтобы те согрелись. За столом теперь только и разговоров было о том, как тепло зимой в Ташкенте и как кто-то бывал там в советские времена, будучи ребенком.

Тимофея тут же разморило, он сидел с красной рожей, налегал на мясо и не пропускал ни одного тоста. А Павел тем временем стал поглядывать по сторонам. По всей видимости, Любовь Антоновна была одинока, хотя было видно, что в доме присутствует «крепкая мужская рука». Справа от нее сидел коренастый, невысокого роста мужчина, лет сорока пяти. Он был очень весел, непрерывно травил анекдоты и предлагал гостям попробовать то один, то другой сорт «своего сыра». Все прояснилось немного позже, когда мужики вышли в предбанник перекурить и подышать свежим воздухом. Коренастый мужичок оказался владельцем небольшой сыроварни – единственного в поселке учреждения, которое что-то реально производило, и где можно было заработать на кусок хлеба тем, кто еще не дотянул до пенсии. Звали его Алексей Викторович Хмельных. Вот на его предприятии Любовь Антоновна как раз я была главбухом. Теперь стало понятно, почему она уделяла ему особое внимание, которое Павел вначале принял за флирт. Хотела угодить хозяину. И вообще за столом в основном и собрались работники сыро-

варни – Ербол Айгеримов, главный технолог производства – молодой парень, молчаливый и с непропорционально большими ладонями. Тихон, глядя на его огромные ручки подумал, что он как Шакил Онилл сможет держать одной рукой баскетбольный мяч. Рядом с ним сидела Роза Дусембекова – начальник отделения почты, симпатичная женщина, чуть старше сорока, очень ухоженная и уважаемая в поселке дама. Она с интересом и без всякого смущения рассматривала гостей.

– Я этот сыр, можно сказать, вынянчил, – в очередной раз повторял Хмельных. – Это ведь целая наука – вырастить сыр. Я вам завтра покажу, пацаны. Там все по расписанию, все с немецкой точностью! А потом – зреть!

– Правда, очень вкусно, – откровенно признался Павел. – Очень люблю сыр. А этот – не хуже заграничного!

– Лучше заграничного! – прыснула со смеху главбухша. – Вы так не оскорбляйте нашего директора! Он знает, какой злопамятный?! – она снова затряслась всеми своими пятью складками от смеха.

– Бамбарбия кергуду! – подтвердил Алексей Викторович. Вдруг Калдырбек почти выкрикнул несколько резких слов на казахском. Они были адресованы толстому седовласому старичку, которого все звали Умарбек-ага.

Павел не понял, что произошло. По всей видимости, старичок позволил себе неласковые высказывания в адрес Хмельных, когда разговор зашел о нем, а аким это услышал.

Павел весь напрягся, ожидая, чем же закончится словесная перепалка, но спор затух так же быстро, как и зародился.

– Был бы у нас в поселке полицейский – сдал бы этого дурака в кутузку! – снова вспомнил Умарбека аким, когда все в очередной раз вышли курить. – Нет, я в район несколько раз обращался – откройте пункт милиции. Тьфу ты! Полиции! Ну а они плевать хотели.

– Нет, ага, ну а зачем нам это? – возразил ему русский мужчина по имени Александр, на вид типичный алкоголик. – У нас тут своя атмосфера. Мы сами социум – можем и так регулировать все отношения. Так сказать, зачем нам сор из избы?

– Это ты Саша так говоришь, пока тебя не коснулось.

– И не надо касаться. Я могу сам свои проблемы решить. Кто сильнее – тот и прав. И не нужна бюрократия нам.

– Бюрократии у нас нет, – решительным жестом остановил его еще один молодой парень, который очень много курил и крутился возле Калдырбека. Это был Марат – помощник акима. – У нас есть государственные программы, и общество развивается согласно им. Это, так сказать, наш курс. Мы не свернем с него. И тут все идем в строю, а не самовольничаем. – Было видно, что он так и не смог выразить свою мысль и оттого замолчал.

– А чё там с машиной твоей случилось? – спросил Александр, вдруг вспомнив про гостя.

Павел, который было отвлекся от своей беды на живое об-

щение селян, сплюнул и процедил сквозь зубы:

– Джипы какие-то гонялись и подрезали меня, твари! Из-за них машина в кювет ушла. Надо в полицию сообщить. Из-за них чуть не погибли.

– Адиль это! – угрюмо сказал Ербол, посмотрев куда-то в сторону.

– Вот чё ты лезешь со своими пятью копейками? – резко прикрикнул на него Марат. – Ты знаешь что ли, какая машина была? Где ДТП произошло? Что наговаривать?

– А что тут гадать? – взбунтовался разгорячённый алко-голем Ербол. – Что гадать? Кто ещё на джипах гоняет? Викторович что ли?

– Короче! Я тебе как должностное лицо говорю – пусть компетентные органы разбираются!

Ербол пробурчал что-то на казахском, выбросил окурок и ушёл в дом.

– Сегодня главное, что все живы и здоровы! – подытожил Марат. – Отдохните с дороги. Завтра погода улучшится – вызовем гаишников. Вот тогда и определится кто и когда. Верно?

Все согласились с его аргументами и заспешили вернуться к столу, а Марат тем временем достал телефон и выскочил на улицу, стараясь поймать сигнал.

За столом было шумно и весело, Тихон поглядывал по сторонам осолопевшими глазами и улыбался каждой шутке. Калдырбек пытался призвать всех к порядку, но тут же начи-

нал смеяться сам вместе с остальными. По всей видимости, кто-то стал травить сальные шуточки. Павел не понимал, над чем смеются.

В это время со своего места поднялся Хмельных. Он поднял большой фужер с рубиново-красным вином, собираясь произнести тост. Все тут же замолкли, уставились на директора. Из соседней комнаты даже выглянули две женщины в передниках, которые видимо были поставлены кухарить.

– Любочку я знаю уже много лет, начал Алексей Викторович с расстановкой. – Сработались мы сразу. Очень она человек обязательный и аккуратный, всякое дело доканчивает обязательно. А мне это всегда нравилось. Я сам себя к этому приучал. Решился – делай. Начал – закончи! Именно таким и должен быть главный бухгалтер. Но ведь она ещё и человек....

– Повесился! Колесов повесился! – истошный крик с лёгким акцентом вдруг прервал речь директора.

Хмельных только перевёл удивлённый взгляд с Любочки на вбежавшую женщину, а все остальные повскакивали с мест.

– Как так? – с той же расстановкой спросил сыродел, машинально выпив до дна алый как кровь напиток.

Но теперь его уже точно никто не слушал. Все гости, шумно галдя, ринулись к дверям. На крашенный деревянный пол падали табуретки, звенели столовые приборы, послышался звук разбитого стекла. За столом остались только Павел с Ти-

мофеем и ошарашенная Любовь Антоновна, которая с удивлением смотрела по сторонам.

– Ну, пошлите тоже! – наконец выдала она, с трудом поднявшись на ноги.

Парни последовали за именинницей. Все повывскакивали на мороз даже не прихватив верхней одежды. Бухгалтер только сдёрнула с вешалки пуховый платок, который на ходу накинула на голову.

Казалось, что теперь на улице уже не так холодно, да и снег кружится как-то по-особому красиво. Гости гурьбой выскочили на дорогу и ринулись вправо. Как раз за домом начался длинный забор сыроварни. Пробежав вдоль него, люди вновь повернули направо. Проследовав через какую-то сторожку, преодолев два забора и просторный внутренний двор, все оказались в тускло освещённой мастерской, посреди которой висел, нелепо повернув набок голову, мужчина лет шестидесяти, одетый в синие рабочие штаны и тужурку.

Хмельный, который оказался впереди всех, подбежал к висельнику, обхватил его за ноги и стал поднимать вверх. Он кричал, стараясь изо всех сил, его лицо побагровело от напряжения, а на шее раздулись вены.

Ему на помощь бросился какой-то мужчина. Он тоже обхватил повешенного, но почти сразу отпрянул.

– Викторыч! Викторыч! – кричал он, стараясь оттащить Хмельных. – Викторыч, не поможешь уже ему! Смотри он совсем холодный. Давно уже висит.

Люди обступили директора, не решаясь подойти ближе, а Хмельных, спустя несколько секунд, посмотрел вверх и потом аккуратно отпустил ноги покойника.

– Как же так? – прошептал он. – Сергей Михайлович, как же так? – Он помолчал некоторое время и потом удручённо добавил: давайте, мужики! Надо снять его.

– Ни-ни-нинадо снимать! – вдруг запротестовал слегка протрезвевший Тихон. – Никому тут ничего не трогать. Тут улики везде! Мой друг милиционер! Пашок!

У Павла даже дыхание перехватило от такой глупой выходки друга.

Теперь все взоры обратились на него.

– Ты полицейский? – спросил удивлённо Калдырбек.

– Я в резерве, – пролепетал Павел. – Несколько лет уже на другой работе.

– Но ты же служил? – снова повторил аким. – Офицер?

– Да.

– Тогда все на выход! – пусть работает профессионал! – тоном, не терпящим возражений, скомандовал Каудыров.

Люди продолжали галдеть, посматривали то на повешенного, то на Павла, но послушно покидали помещение, стараясь при этом не трогать ничего руками, чтобы не оставить отпечатков пальцев.

***

Вскоре внутри остались только аким, Хмельных, Павел с Тихоном и Марат, дежуривший у двери. Павлу казалось, что

он совсем протрезвел, хотя это было и не так.

– Послушайте, я не смогу вам ничем помочь. Я юрист. Да, служил в МВД, но я же не следователь, не криминалист.

– Ну, тебя же учили там, как осмотр места преступления проводить и всё такое! – возмутился Тихон.

– Мало ли чему учили! – рассердился Павел. – Заткнись уже, баран ты эдакий! Тут серьёзное дело! Человек умер! А может, и убили его! Тут нельзя просто гадать.

– Успокойся, успокойся! – стал приговаривать аким. – Если ты юрист, если в полиции работал, значит по любому больше знаешь, чем обычный человек, так?

– Так, – нехотя согласился Павел.

– Ну, так ты помоги хотя бы чем можешь. Услуга за услугу. Что помнишь, что знаешь.

– Да как вы не поймёте! Я не процессуальное лицо. Что я буду делать – ничего не значит.

Хмельных положил ему руку на плечё и стал говорить, глядя прямо в глаза:

– Это мне близкий человек. Видимо тебя бог послал нам, чтобы ты помог. Подумай сам, что мы без тебя будем делать, если дороги не откроются? А вдруг криминал? Вдруг его довели?

Павел только развёл руками.

– Бред просто. Чёрт с вами всеми! Сделаю, что считаю нужным, но ничего больше! Никаких документов подписывать не буду. Свидетелем не буду. Уеду при первой возмож-

ности. – Пока он говорил, Тихон одобрительно хлопал его по плечу. – А вы мне за это ещё поможете машину доставить в ремонт, как метель уляжется.

– Да я тебе и ремонт ещё оплачу! – на радостях выпалил Хмельных. – Вот красава! Мужик! Он же мне как дядька был! Все знают!

Павел выругался, освободившись от крепких объятий Алексея Викторовича.

Он нервно закурил и по-деловому распорядился:

– Пусть мне принесут мою куртку с телефоном, записную книжку какую-нибудь с ручкой, чистые пакетики полиэтиленовые, линейку, спичечный коробок, перчатки медицинские и крепкого чёрного чая.

Калдырбек на каждое слово «следователя» кивал головой, потом посмотрел на Марата.

– Запомнил?

– Аха!

– Бегом!

Павел нервничал всё больше. Его стало знобить и в животе появилось неприятное чувство, но теперь ему надо было играть свою роль. Пока Марат побежал за его заказом, он старался вспомнить, что им преподавали больше десяти лет назад по криминалистике и криминологии в Национальном университете Узбекистана. Вдруг ярко вспомнились слова препода: «Вам это никому не пригодится. Вы юристы будете, а не следаки. Это так. Общие сведения». Ошибался, оши-

бался препод...

Глотнув согревающего и отрезвляющего крепкого чая, Павел взял свой телефон и тщательно протёр камеру платком.

– Так, – скомандовал он. – Сейчас буду производить съёмку. Так что в камеру не лезть.

Он нажал на запись и продолжил:

– Одиннадцатое января две тысячи восемнадцатого года.

Время двадцать три часа пятнадцать минут.

– Двадцать четыре часа! – шепнул ему Марат, поглядев на часы. – Вы время не перевели.

– Вот блин! – Заново начинаем. Время два... Тогда получается уже двенадцатое?

– Точно, двенадцатое! – подтвердил Хмельных, кивая.

– Двенадцатое января, – в трети раз начал Павел. – Время ноль часов пятнадцать минут. Производится осмотр места происшествия. В мастерской сыроваренного завода найден труп повешенного мужчины. Итак, начиная от входа, слева направо.

Вначале Павел смотрел в телефон, комментируя увиденное, но потом, он стал уже больше рассматривать само помещения, не обращая внимания на съёмку. Мужчина был найден на своём рабочем месте. По-видимому, это был гараж, в котором стояла какая-то большая техника. Сразу за большими воротами находилась яма, закрытая сверху деревянным щитом. Похоже, что гараж давно был переделан в подсоб-

ку, в которой отдыхали рабочие. Ворота помещения изнутри были забиты изоляционным материалом, так что их открыть было нельзя. Слева в углу стояла покосившаяся вешалка, на которой болталась бесцветная рабочая одежда, пропитанная маслом и запахом дешёвых сигарет. За ней шла парта, на которой под стеклом были уложены какие-то графики дежурств, на стекле, укрытые полотенцем, стояли чайник и три пиалушки. Стены гаража, обклеенные засаленными плакатами обнажённых девиц, вперемешку с табличками, советских времён, напоминавшие о том, что нужно беречь электрическую энергию и соблюдать пожарную безопасность, были покрыты слоем копоти. Возле плинтуса валялись разные детали, шестерёнки, стояло чёрное, погнутое ведро, наполненное отработанным маслом. В нём валялся кусок тряпки. Павел не стал уделять им особого внимания. В углу уместился металлический шкаф с тремя дверцами. В одном отделе висела одежда, на полу стояли начищенные сапоги. Во второй хранилась посуда, коробочки с чаем и сахаром, куски хлеба, завёрнутые в целлофан. В третьем отделе были навалены две большие бухты кабеля, поверх которых был втиснут сварочный держак и маска. За шкафом, словно на параде в три ряда выстроилось девятнадцать порожних бутылок от водки. Все они были одной марки – «Кристалл». Вдоль другой стены от угла шли друг за другом: убитый диван, хлипкий стол, качавшийся от любого прикосновения и самодельная печка, работающая на отработанном машинном масле.

– Викторыч, это что такое? – послышался шёпот акима, когда следователь дошёл до печки. – Я же предупреждал, чтобы не было самодельных приборов.

– Не кипишуй, – ещё тише ответил Хмельных. – Я им головы пооткручиваю всем! Сейчас главное с этим разобраться, – и он, махнув головой в сторону висельника, закурил.

На диване не было ровным счётом ничего. На столе стояла полупустая бутылка всё той же водки. Стояло два стакана и пустая тарелка. В открытом пакете сиротливо лежал кусочек чёрствого или попросту замёрзшего хлеба. В углу стола была оставлена ученическая тетрадь зелёного цвета, внутри которой помещались какие-то вырезки.

Труба от печки поднималась вертикально вверх, пронзала крышу и выходила прямо на улицу. Третья стена была практически пуста. В углу была установлена раковина, но к канализации она подключена не была, поэтому под ней размещалось ведро. Прямо в раковине валялся сломанный пластмассовый рукомоёйник. Дальше вдоль стены для чего-то лежало длинное бревно диаметром сантиметров в двадцать. Дальше около входа примостилась метла с совком и мусорным ведром.

А вот почти в самом центре помещения, всего в полутора метрах от печки на верёвке, привязанной к ферме, болтался некто господин Колесов. Его ноги висели сантиметрах в двадцати от земли, единственный в помещении стул, валялся рядом на боку.

Дойдя вновь до двери, Павел выключил камеру и посмотрел на мужчин, которые всё это время молча пятились за ним, чтобы не попасть в объектив. Он вдруг подумал, что и их тоже нужно снять, чтобы потом в случае чего они не отнекивались и могли дать соответствующие показания. Они наблюдали за Павлом с интересом, словно за специалистом, умело делающим своё дело. Только вот в глазах Хмельных можно было прочесть некое любопытство. Такой взгляд обычно бывает у людей, когда они наблюдают за работой ученика или новичка. Такой человека, словно давая волю работающему, молча следит за тем, как тот делает ошибки, чтобы потом ткнуть неумеху носом.

Павел тем временем, потрогал бок печки. Она была совершенно холодна, казалось, что влажная ладонь прилипла бы к ней от мороза. Он заглянул в стаканы, в них на дне осталось по нескольку капель жидкости. Можно было различить слабый запах спирта. Чайник на парте был чистым и пустым. Под стеклом лежала таблица дежурства, в которой, помимо Колобова значилась ещё фамилия Овдеев.

– А это кто? – спросил Павел. – Овдеев?

– Сменщик его был, – охотно отозвался Хмельных. Уволился три месяца как.

– А он алкоголиком был?

– Колобов? Да нет, как все он был. Ну, может чуточку было у него ... пристрастие.

– Да любитель он был выпить! – встрял Калдырбек. – По-

стоянно закладывал.

– Ну а я что говорю? – удивился сыровар. – Так и говорю – выпивал он, как и все! Не буду я наговаривать на человека. Покойного.

Павел продолжил съёмку. Он снял всех присутствующих, при этом они поочерёдно называли своё имя. Тихон настоял, чтобы и он тоже попал в кадр, хотя Павел всеми силами старался, чтобы этого не произошло.

После был заснят сам покойник. Верёвка, на которой вздёрнулся мужчина, обвивала три раза балку. Потолка над гаражом не было, поэтому сквозь деревянные рёбра крыши, было видно всё её нутро. Колобов Сергей Михайлович всё это время мирно висел, не обращая внимания на слова мужчин. Павел снял его с разных ракурсов, сделал несколько фото верёвки и узла. Потом он ещё раз прошёлся по гаражу, снимая детали: расположение предметов, стаканы, бутылки и всё остальное.

За этим делом прошёл почти час. «Эксперт» уже чувствовал усталость, но профессиональный долг теперь не позволял ему оставить работу на утро.

– Пусть принесут энергетик, – сказала он неопределённо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.